ISSN 0258-0802. LITERATŪRA 2002 44(2)

«ВЕРА ПОЗНАЕТ МИР». ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ В РАССКАЗЕ Л. ЛЕОНОВА «ДЕЯНИЯ АЗЛАЗИВОНА»

Александр Дырдин

Ульяновский технический университет
Кафедра филологии, издательского дела
и редактирования

Эстетика природы возникает «на пересечении философии природы и метафизики человека», являясь «формой философской антропологии» (Эстетика природы 1990, 2–3). Поэтому под эстетикой природы следует подразумевать творческое отношение к объективному миру, духовные взаимодействия художника и природы.

Размышления о природе в творчестве Леонова неизбежно ведут к проблемам национального самосознания и мировосприятия. Сам образ природы во многом определен внутренним состоянием автора, который откликается на природные голоса из глубины сердца. Поэтому взгляд Леонова на природу неразрывно связан с темой о человеке, его судьбе и нравственности.

Два высказывания могут помочь в раскрытии характера природных живописаний у Леонова. Оба принадлежат русскому историку В. О. Ключевскому, одному из самых проницательных отечественных мыслителей. «Должно быть, каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов и типов, подобно тому неодинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов. Сообразно с этим и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным углом, отражает то и другое в своем сознании с известным преломлением. Природа страны, наверное, не без участия в степени и направлении этого преломления» (Ключевский 1987, 316), – так выражал Ключевский свою заветную мысль о действии «внешней природы» на «народный темперамент».

Этим суждением объясняется многое в «природоведении» Леонова. Всматриваясь в природу, он ищет и находит связующие нити между духовным миром человека, его чувствами, думами и особенностями природной среды. Природа в творчестве писателя выказывается постоянной, но далеко не самостоятельной частью бытия.

Тщетно разыскивать у него полное слияние человека с природой. У Леонова мы видим соединение природных явлений с постижением в окружающей действительности вещей вечных и истинных. Связываются два мира: природа наполняется нравственным смыслом – жизнь духа получает природное обрамление. На этом пути творческая личность утверждает себя в совершенной реальности – в перспективе веры.

Уже на раннем этапе творчества Леонова (конец 1910-х – середина 1920-х гг.) его герои отвечали на вопрос об одиночестве человека в мире, находя выход не в погружении в природу, а в одолении духовной тьмы – в покаянии. Драма грешника, ищущего спасения, составляет сюжетную основу рассказа «Деяния Азлазивона», который предварял творческий взлет писателя. В главной книге Леонова – религиозно-философском романе «Пирамида» – темой покаяния скрепляются рассыпанные по всему тексту размышления автора-повествователя. Бесспорно, все они существенны для нравственно-философской концепции Леонова. Но собственно полноценную трактовку эта проблема получает в покаянных мыслях о. Матвея Лоскутова, утверждающего, что «само по себе и трагическое, повсеместно происходящее вытеснение совершенства духовного чисто плотским радованием, изгнание Бога из мира, проще сказать, может по неизреченной милости Господней обернуться для нас тою положительной стороной, что лишь по разбегу из глубины падения и сможет человечество вымахнуть на вершину спасительного покаянья ...» (Леонов 1994, II, 35).

Вторая мысль Ключевского проясняет еще одно неотъемлемое качество леоновской эстетики природы. Говоря о напряженном интересе древнерусских летописцев к явлениям природы, создатель научной истории России замечает: «У него (летописца – *А. Д.*) природа прямо вовлечена в историю, является не источником стихийных, часто роковых влияний, то возбуждающих, то угнетающих дух человека, даже не просто немой обстановкой человеческой жизни; она сама – живое, действующее лицо истории, живет вместе с человеком, радеет ему, знамениями вещает ему волю Божию». А поскольку знамения эти «бывают либо к добру, либо ко злу», летописец становится «моралистом, который видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, провидения и дьявола» (Ключевский 1987, 114).

В постижении взаимосвязи идеального мира с миром вещественным (физическим) – ключ для анализа природных образов у Леонова. Красота родной земли является неизменной частью картины мироздания в его произведениях от первых литературных опытов до «Русского леса» и «Пирамиды». Она воплощает особенный эстетический смысл связей с природой, когда этот смысл сам по себе есть требование осененных духом отношений человека и природного бытия. Этот смысл наполняется, как увидим дальше, чисто религиозным и даже христианским значением.

На основе опубликованных в последнее десятилетие работ мы все больше познаем, какое место занимает природа в творчестве Леонова. Многое действительно становится понятным. Однако возникает вопрос: как сопрягаются писательское чувство приро-

ды, его природоцентризм и «обновленный антропоморфизм» (Гринфельд 2000, 73) с художественным сознанием и с традицией «природолюбивой» русской мысли? Необходимо уяснить, с какой линией национальной культуры связан писатель, приближающий читателю природу через символизацию звуков, красок, состояний окружающего мира. Отсюда вытекает и более конкретная задача – осмыслить своеобразие творческих решений Леонова в контексте православного эстетического сознания, имеющего свой образ Вселенной и свою аксиологию.

М. В. Сабашников, вспоминая литературные чтения, проходившие на московской квартире Б. П. и Н. А. Григоровых в бывшем владении Найденова на Садово-Кудринской улице в самом начале 1920-х годов, напишет, что открыл для себя настоящего писателя. Он увидел в прозе Леонова не только «богатство вымысла», «сочный, свежий русский язык», «своеобразные повороты речи» и внимание к «душевным движениям», но и «чудные описания северной нашей природы» (Сабашников 1988, 426).

Это высказывание содержит в себе широкий масштаб, удивительно точно и полно определяя то, что станет центральным и в идейно-художественных исканиях, и в стиле Леонова. Зрелая проза и драматургия автора «Русского леса» наполнены различными по структуре образами природы, созданными по принципу взаимоотражения человеческой жизни и природной стихии. Не будет преувеличением сказать, что для Леонова природа является сферой, в которой народно-национальный организм воплощает свои нравственные идеалы и устремления. Философия природы помогает писателю в оформлении смыслообразов Творца и Мироздания, Красоты и Добра.

Леоновская поэзия природы – необходимый элемент художественного постижения истории, ее человеческих и горних, божественных сторон. С «природных» импульсов, непосредственных наблюдений над жизнью природы зарождались многие тексты Леонова. Заботой обо всем, что дышит и растет, живым природолюбивым чувством проникнуто «Сказание о Калафате, написанное, по свидетельству дочери писателя Н. Л. Леоновой, до «Деяний Азлазивона» – в 1916 году (Леонова 1999, 30). В. А. Ковалев в своей книге приводит слова Леонова о «Бурыге» (1922): «Там у меня заложено все то, что в дальнейшем развернуто в моих книгах: лес, цирк, любовь к родине, всепоглощающая страсть, сказочные и таинственные силы леса» (Ковалев 1989, 45). Исподволь Леонов углубляется в тайны естественного мира, подверженного вечному изменению.

Это был художественно-эстетический метод, рождающийся из недр духовного мировоззрения, окрашенного не только в традиционные тона природо-центризма. Средоточием природы у Леонова выступает человек, который органически срастается с природным окружением, находя в таком единстве свою духовную целостность. С художественной антропологией Леонова, включающей в себя *относительную природную величину*[1],

[1] Здесь мы опираемся на терминологию О. Мороза, применяемую при рассмотрении историософской концепции А. Платонова. См.: Мороз О. *Историософская концепция Андрея Платонова: Вселенная–человек-техника.* Краснодар: КГУ, Виноградов-фонд, 2001. 40 и сл.

связаны начальные страницы «Вора»: «Наполняя собой, подвигом своим и страданием мир, ты, человек, заново творишь его...».

«Ничем не обижал он мира, ни птиц его, ни травы его» (Леонов 1989, 366) – говорится о герое рассказа «Приключение с Иваном» (1927), а в «Бродяге» (1928) автор уподобляет крестьянина Чадаева, «отлучившего» себя от мира, медведю из крестьянской легенды. Герой предания «на глазах очевидца вышел на опушку и, поклонясь деревне, близ которой прожил жизнь, ушел в глубь леса, чтоб не возвращаться никогда» (*там же*, 383). Без таких природных параллелей разрываются звенья единой цепи философски развитых представлений, протягивающейся через все творчество Леонова.

Философская структура прозы Леонова напрямую зависит от восприятия мира в контексте национальной истории и природной географии. Заметим к слову, что национальное начало имеет у него не столько источник в самой самородно-языческой стихии, как иногда считают, сколько иные, религиозно-нравственные основания. У Леонова можно найти, в лучшем случае, лишь отдельные проявления природно-космических «энергий»[2].

Энергия отпора духовному злу – вот что является вдохновением для героев-вероискателей раннего Леонова и поддерживает творческие силы самого писателя. За поэтическим отображением жизни сотворенного мира у него сразу же открывается духовный стержень, который по мере творческого роста обретал все более отчетливые очертания. Образно-философская мысль художника сконцентрирована на религиозном векторе человеческой жизни при всей противоречивости представлений его героев о движении к Храму. Творческая индивидуальность Леонова сложилась в укрепляющей связи со зримой основой народной души – христианской традицией. Таково духовное наполнение центральных образов в «Деяниях Азлазивона». По такому пути он пойдет в дальнейшем творчестве, хотя внутренняя принадлежность Леонова к этому направлению духа и строю души станет самоочевидной лишь в последние десятилетия, и, прежде всего, – в «Пирамиде»[3].

Рассказ «Деяния Азлазивона» пока еще не изучен, однако именно это раннее произведение Леонова демонстрирует авторское духовно-возвышающее отношение к природе. В нем предугадывается будущий певец русского леса и художник-философ. Рассказ, запрещенный цензурой в августе 1922 года в связи с «сомнительным» звучанием главной идеи – «надежда на *спасение покаявшегося* и страх *вечных мучений грешника*» (Полыковская 2001), – подготавливает обращение писателя к парафразу сакрально-авторитетных текстов на новых этапах творчества. Собственно, рассказ «Деяния Азлазивона» является свободным пересказом – Леонов превосходно овладел приемом парафразирования[4] – известного

[2] Не ссылаюсь здесь на известные работы: многие исследователи, пишущие о Леонове, отдали дань поискам астральных планов, «абсолютного космического Разума» у автора «Русского леса».

[3] См. работы А. Л. Казина, А. Г. Лысова, В. С. Федорова, а также монографию автора статьи *В мире мысли и мифа. Роман Л. Леонова «Пирамида» и христианский символизм*. Ульяновск: УлГТУ, 2001.

[4] Прием реферации и механизмы авторского парафразирования в русской церковной книжности рассмотрены Е. М. Верещагиным. См.: Верещагин Е. М. *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*. М.: Индрик, 2001. 419–494.

по патерикам сюжета о встрече со святым и дьяволом. У Леонова он слит с мотивом «раскаявшегося разбойника», имеющего в русской словесности богатую традицию (народная легенда о Кудеяре, вошедшая в поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», образы кающихся грешников у Лескова и Достоевского).

На первых страницах сказа предводителю ватаги душегубов Ипату трижды является святой Нифонт, «попалитель смущающих»[5]. Герой строит посреди нехоженого леса обитель с церковью, принимает покаяние, скрываясь вместе с бывшей разбойничьей братией от мира под именем Сысоя. Ему предстоит вымолить у Бога прощение за тяжкое преступление: убита купеческая жена, расколот разбойничьим ножом образок святого, висевший на ее груди. В Сысоевом скиту развернется борьба ангельских и бесовских сил за людские души. Двадцать пять человек объединит в молитвенном подвиге Ипат-Сысой. Будет «посрамлен» князь и военачальник темных сил Азлазивон – посажен в яму, «в кадь». И только сам Велиар сможет разрушить Сысоево убежище.

Первый вариант рассказа, написанного в славяно-русском стиле, представлял собой авторскую рукопись с цветными заставками, иллюстрациями и вкраплениями кириллического письма. В ней были традиционный финал: Спас свою душу разбойник Ипат, «ныне преподобный отец наш Сысой с двадцатью попаленными бесовским пламенем», герои возносятся на небо в райские кущи «у Бога на золоту скрижаль списана Нифонтова пустынь – верным спасенье, нечистым страх. Аминь». Венчает рассказ, как это было принято в сочинениях духовных писателей и летописцев, выходная запись: «Радуется <...> странник в отечество свое пришед. Также радуется и книжный списатель дошед конца книгам. Также и яз – худый раб Божий Леонид Леонов. В граде Москве в лета»[6].

В «Деяниях Азлазивона» впервые у Леонова использована философская символика, насыщенная близкими христианству смыслами. Здесь обозначилась точка зрения на природу как на «действующее лицо» мистерии, в которой судьба раскаявшихся разбойников, готовых сразиться с антихристом, служит аналогией ко всему происходящему на родной земле в пореволюционное время. В свете этой аналогии может быть истолкована и новая концовка рассказа (отсутствие благостной развязки в машинописном варианте). Таким образом, проблема – *спаслись ли покаявшиеся,* которая, по мнению В. П. Полыковской, «оборачивается вопросом – *а были ли покаявшиеся»* (Полыковская 2001, 97), переходит в иную плоскость: в эмоционально-ценностную сферу русского человека, в план личных отношений между человеком и Богом.

Сказовая форма «Деяний Азлазивона» не скрывает авторской позиции. Леонов

[5] Св. Нифонт – с 1130 г. епископ Новгородский – обычно именуется «поборником земли русской». За верность цареградскому патриарху и «греческим» вероисповедным правилам был заключен в пещеры, где и скончался в 1156 году. Память 8 апреля и 28 сентября. Можно предположить, что над первым (рукописным) вариантом «Деяний» Леонов работал поздней осенью 1921 года. Н. Л. Леонова относит время создания рассказа к ноябрю-декабрю того же года (в письме к автору статьи).

[6] Выходная запись выполнена кириллицей, дата завершения рассказа (ноябрь 1921) и автограф – в современном написании.

заимствовал из мира народно-православных ценностей идею искупления греха. Даже учитывая, что в машинописном тексте благостная концовка снята, (по замечанию В. П. Полыковской, спасение покаявшихся «отменено» автором), христианская подоплека рассказа-наваждения очевидна, как и религиозная направленность в нем символики природы. Начинающий автор пытался применить к жизни нового мира традиционные нравственные мерки – духовные понятия, более привычные для народной массы. Старая система моральных ценностей сопрягалась с универсальной семантикой образов. Противостояние подвижников веры беззаконию, душевному мраку и дьявольскому наваждению, которые олицетворяет в рассказе бес Азлазивон, знаменовало протест против разлада и духовного омертвения общества после 1917 года. Этот подтекст раскрывает игумен Андроник, предлагающий признать причиной нравственной гибели главного героя (Игната-Сысоя) «самость», гордость и самоутверждение» (О рассказе Леонова 2001, 99). В самом произведении он склонен видеть «притчу о революционерах-разбойниках, пытающихся построить «справедливое» общество и обреченных на гибель», а также «зерно», из которого вырос замысел «Пирамиды» (*там же*). Создавая рассказ в духе патериковых легенд, Леонов выразил свою принадлежность к традиции древнерусской книжности, сложившейся под влиянием христианства. Тема спасения человека в поврежденном грехопадением мире предуготовляет насыщенность последнего романа писателя – его литературного завещания – религиозно-философским содержанием.

У Леонова изображение природного мира оказывается прочно связанным с трагедией земного существования человека, этой «малой песчинки мироздания». Природная гармония примеряет страдающую человеческую душу, как бы помогая ей в борьбе с демоническими силами: «Стоят леса темные, от земли до неба, а на небе ночь. Положен на небо ковш, ползет ковш по небу, сползает ко краю – тут выливаются на землю сон, покой и тишь...» (Леонов 2001, 87). Уже в этой пейзажной заставке к выходу на сцену Азлазивоновых слуг проявляются эстетические принципы писателя.

Именно в образах природы Леонов отображает внутреннюю сущность бытия, добиваясь этого с помощью композиции, символики цвета и особого смыслового «звучания» древнерусских эпитетов и метафор.

В «Деяниях Азлазивона» сказывается апокалиптический тип видения действительности. Но в отличие от художественных воплощений Страшного Суда в иконописи, графике и литературе XVII–XIX вв. символика рассказа строится и на традиционных библейских образах и с помощью природных картин. Леонов метафоризирует природу. Едва ли не все природные состояния здесь символичны и выступают в роли духовных категорий. Универсальный смысл придается в рассказе образу леса, который, воплощая идею природной мощи и красоты, несет в себе смысл защиты и спасения человека.

Типологически образ леса, созданный Леоновым в «Деяниях Азлазивона», имеет черты сходства с сюжетами иконописи и с некоторыми памятниками древнерусской литературы, в которых запечатлелись эсхатологические настроения.

Эсхатологические темы особенно были сильны в XVII веке. Движение протеста против церковных реформ Никона, осуждение пятерых старообрядцев породили в художественном сознании эпохи ощущение «конца света». «Умы вождей раскола страстно взволновала проблема мирового устройства, разрушаемого, как тогда казалось, смертельной борьбой двух извечных начал – добра и зла, бога и дьявола, Христа и антихриста» (Робинсон 1963, 25), – характеризует умонастроение того времени исследователь творчества Аввакума и Епифания. Вскоре они были сосланы на Печору, в пустозерский острог, где своими замечательными житиями-автобиографиями положили начало литературе раскола. Преследования и страдания пустозерских узников вызывают у них апокалипсическое восприятие мира, возбуждают мистические видения.

Нескончаемый бор – место действия в леоновском повествовании. Северный лес – «концентр» и «душа» русской цивилизации, природное жизнепространство людей, меняющих разбойничьи кафтаны на самодельные монашеские кафтыри. Лес, по точному слову В. Бибихина, – их «пуповина» (О рассказе Леонова «Деяния Азлазивона» 2001, 98). Но вот в нем теперь построен храм. «Мужики по-прежнему остались и грозой бора, но уже не для проезжих купцов, а для племени нечистых.» (*Там же*) Образ леса вмещает в себя гораздо больше, чем выражено в этой фразе. Лес у Леонова – бесконечно богатый мир, отражение девственности и вечности природы, идущей навстречу людям.

В узорчатом языке пейзажей Леонова переплетены книжная и народная лексика, слова, типичные для северно-великорусского наречия, и церковнославянизмы, а поэтические сравнения заставляют вспомнить, что наш автор начинал свое творчество со стихов. Там, «где сосны да ели в обнимку, тесно, стоят, где взгорье зеленой лысинкой полегло в середку нехоженых, немеряных лесов», «нежданная, как цветок на болоте, маленькая церквушка зеленой маковкой зацвела во имя новгородского Нифонта» (86).

Иногда текст Леонова обретает былинно-песенное звучание: «Ой, лес-лес, ты не спишь, все шумишь, все тайны караулишь, все прячешь их под спудами болот <...>. За тебя облаки в беге ночном цепляются, в тебе ветры, заблудившись, детскими голосами плачут... Но творят в тебе замысел вражий и не знаешь ты. Трясучая осина в позднюю осень не цветет в тебе поганым кровяным листом, а нечист ты. И прозрачный ладан сосен твоих неспроста черную копоть точит!..» (87–88)

В этих фразах – отзвуки фольклорных памятников. Разговорные формы речи, народный календарь (от Агафона-огуменника – последний приход Нифонта к Ипату – и летопроводца Семена, до вешнего Нифонта, когда умирает Зосима, тянется история искуса и битвы с бесовским отродьем), сказочные ритмы в сочетании с образами Священного Писания позволяют рассматривать «Деяния» как литературную обработку патериков, как «пробу пера» начинающего сочинителя, имеющего за плечами опыт чтения и переписывания священных книг.

Каждая новая главка у Леонова открывается пейзажем-заставкой, и эта

картина природы задает интонационный настрой повествования-сказа. Леоновская мелодия пейзажных зарисовок – переливчатая, соединяющая две основные тональности – природно-торжественную, идущую от красочной цветовой палитры русского фольклора, и сурово-воздержанную, близкую аскетизму духовных песнопений: «И случилась ночь, был мороз крепок. Вдарили в ту единую ночь рукавицами по земле Севера полунощники, заледенели всякие дыхания и утвердился надолго мороз» (90).

На небольшой площадке рассказа Леонов испытывает разные способы поэтизации природы. На смену реальным природным формам, образам, строящимся на самой действительности, идут символика цвета и олицетворения: «А на бору тем временем соловьиный щекот стоял. Вечер не вечер, луна лик кажет, а солнце не тухнет на край земли. Идет вечер черный, манатейный монах. Волком идет на солнце, хочет солнце есть и не может» (94). «Встало с заката облако, в нем крутится грозный смерч. Тихое стадо испуганных березок увидало и зашуршало вдруг повянувшим желтым листком, как о позднюю осень.» (95)

Картины природы в «Деяниях» имеют как бы два измерения. В одном нанизываются разновременные природные состояния. Например, утро может изображаться торжественно и скорбно: «Утро развернулось, ровно алая роза в снегах. По сугробным макушкам сосен утренних, в сизом небе, ковыляет как бы медный таз. Синие и лиловые тени бегут, струи воздуха резвы и гибки» (91). В другом – на первом месте описания, духовно восполняющие материальное начало в нас, говорящие о том, что реальность – это потенциальное единство одухотворенной природы и преображенного человека: «А тем временем смеркалось, и ночь пришла по следам смеркоты. Вытек на небо звездный ручей, омывать ему до конца веков нехоженые нами, невиданные голубые страны» (92).

Знакомство Леонова с произведениями древнерусской письменности заметно проявляется в строе пейзажных картин: икону «преславного» Нифонта пишет оборотень-бес Гаркун «вечерами пришедшей весны, когда свет ровен и благость таится в воздухах» (91).

Пейзаж Леонова это почти всегда пейзаж-видение. Однако эта особая призрачность природной жизни не заслоняет ее красоты и гармонии, независимых от хаоса бренного мира:

> Потемки бором идут, роняют сосны хрустальные слезы. Солнце край неба плавит, белой тканью по болотам стелется весенний парок.
>
> Негромко скорбит на Сысоевой колоколенке великопостная медь. И несется звон птицей по весеннему ветру, сядет на сук, вытянет к востоку медноперую шею свою и тоскует так.
>
> На землю приходит великий покой. (91)

Глубоко лиричные по языку картины природы, обрамляющие повествование Леонова, представляют внутреннюю связь текста с пониманием сотворенного мира в духовной литературе. Поэтому живая жизнь у него освящена и соотносится с главной авторской целью – утвердить духовные инстинкты человека, победившего зло в себе.

В финале, в сцене гибели скита: «Сдирает демонская рука голубую кожу с неба, а за ней ночь. Та ночь Сысою разоренье несет. На бору змеи тревогу

свищут. Галочье племя тряпками черными по небу перекидывается. Красною башней встает из-за бора ленивый огненный язык...» (95)

И вот один из последних аккордов:

> То не ветер играет лоскутом шемаханского красного шелку, то геенна облаки грызет, весело трепеща. Лихо пожигает лицо земле, на стороны разбрызгивает темные, небуйные воды мочагов. Зверь сна, Тырь, сустрелся под ноги лиху, и разгневалось и вдарило молоньей по расступившейся тишине. Краноперая Тюфтярка летела на четверть от земли, на лету запламенела, взвилась высоко, упала углем далеко. (95)

Второй (природный) мир человеческого существования осмыслен Леоновым в русле описаний подвигов и чудесных видений пустозерских отцов. Эсхатологические проблемы преступления и наказания, греха и спасения он продумывает, используя христианские символы, влияющие на глубинные чувства читателя. Живописание природных состояний в рассказе-стилизации непосредственно связано с видениями Аввакума и Епифания.

Рассказывая о последних временах, о битве с силами зла, наш автор опирается на прием *иллюзионизма*, широко применяемый духовными писателями. Обитатели Сысоева скита оказываются в центре этой схватки. Знающие до жизни в пустыни лишь чувство разрушительного экстаза, герои Леонова переступают границу нижней бездны, чтобы достичь бездны верхней. Происходит перевоплощение разбойников в пустынников, охваченных эсхатологическими ожиданиями. Они исполнены ответственностью не только за свое спасение, но и спасение всех грешников после Страшного Суда. Вот почему в тексте закономерно возникают фигуры библейских праведников Еноха и Ильи. Им суждено стать, по евангельским представлениям, последними жертвами антихриста. К данным персонажам Библии протягивается нить от одного из героев «Деяний». Никифор-порченный, окончит «течение жизни», поддавшись бесовскому обману. Посреди ночи он слышит голос: «Встань. Грядет к тебе Спас. Даруется тебе благодать. Ты будешь лику светлых причислен, сподоблен судьбы Еноховой и Ильиной» (90).

Высшие силы, присутствие которых раскаявшийся разбойник ощутил так близко, почти телесно, оказываются на поверку злыми духами. Поклонившись им «трижды и четырежды от усердия своего», Никифор попадает на «обманскую» колесницу и, сброшенный с нее «острым» (т. е. слугой Велиара), падет «на острый зуб моря», разобьется «пополам» (90). Это еще одна параллель к эпизодам из житийной прозы Аввакума и Епифания, также входившим в общение с потусторонними существами. Характерны в этом смысле сцены превращений «блудного полчища» бесов в животных и птиц, в «мышиную нечисть» и даже – в комаров (на одном из рисунков Леонова, помещенных на полях рукописи, изображено крылатое насекомое – «не комар, но бес» – Леонов 2001, 92). Их смысловое значение перекликается с рассказом инока Епифания о посещении его двумя бесами или о других кознях князя мира сего. «Не возможе бо диавол пакости сотворити ми – келии моей сожещи, он же, злодей, инако покусися: насадил бо ми в келию червей множество много, глаголемых мравий.» (Пустозерская проза 1989, 179)

«Деяния Азлазивона» напоминают сочинения одного из первых писателей-старообрядцев своим завершением. Старообрядческие предания сохранили свидетельство чудесного спасения инока Епифания. Его останки не были найдены на месте сожжения. Конец леоновского рассказа (в рукописной редакции) можно считать повторением соответствующего места староверческой легенды: «из сруба пламенем отца Епифания на воздух вознесенна в верх к небеси» (*там же*, 349).

Другая важная особенность творческой манеры Леонова, проявившаяся в «Деяниях», – это умение мыслить живописными природными образами. Образная система рассказа устремлена к иконичности, символической выразительности древнерусских инициалов-заставок, буквиц, орнаментов, в которых переплетается черты т. н. звериного стиля, растительные и геометрические элементы.

Как и в трагический для русского духа период XVII столетия художник-мыслитель выходит за пределы литературного творчества, обращаясь к личному духовному опыту. «Живым средоточием самопознания» (И. Кириевский) становятся, вместе с повествовательным образотворчеством, страницы леоновской записной книжки. Эти записи, опубликованные вместе с текстом рассказа, необходимо рассматривать не только как веху литературного пути Леонова. В них раскрыт личный мир реальных созидательных ценностей и духовных даров:

> Авось когда-нибудь зачтется мне, что при страшном самосуде над Россией за мужиковство, за азиатство, за историческое размахайство ее, когда четвертовали дух и тело ее, вступался я хоть за ненаглядную русскую природу, чуть за топор не хватался – пощадите, дескать, миленькие, и так уж обмерла: по лицу, по лицу-то не бейте! (Леонов 2001. Из записной книжки, 102)

«Время, совершив крутой поворот на краю пропасти, толкнуло их на этот край и оставило там, принудив к проповеди и жертве» (Пустозерская проза 1989, 36), – говорит о четырех мучениках – защитниках благоверия – комментатор и переводчик пустозерской прозы. Леонов, по-своему продолжая дело ревнителей религиозной истины, нашел в этой традиции источник творческого вдохновения. Воздействие наследия духовной письменности было для него решающим. В рассказе-откровении «Деяния Азлазивона» будущий создатель последнего русского философского романа XX века разрабатывает сходную покаянную идею. Природоцентризм Леонова оказывается выражением его внутреннего зрения, плодотворного касания «древа веры народной» (Леонов 1994, I, 344), которая всегда включала красоту природы в общее представление о красоте сотворенного мира.

Стоящие перед ним художественные задачи писатель решает на путях синтеза религии, философии и литературы: «Как цветы и дети, книги и мысли есть тот же сгущенный солнечный свет – только после более тщательной перегонки. И самый чистый, самый конечный продукт на этом пути – безмысленная радость о Боге» (Леонов 2001. Из записной книжки, 101).

Эстетика природы в «Деяниях Азлазивона» способствует восстановлению мировоззренческих накоплений русского народа, приобретенных на его долгом и трудном историческом пути. Всепроникающий взгляд Леонова неизменно открывал этот элемент за другими момен-

тами жизни. Внутренняя необходимость находить «духовный императив» национального бытия явилась той силой, которая управляет творчеством писателя и его целостным идейно-эстетическим развитием:

> Чувство Бога и есть показатель нравственного здоровья народного, ибо зиждется на ежеминутном ощущеньи личного, в его жизни, участия добра и зла. <...>
>
> Вера познает мир, исходя от большого к малому <...>. (*Там же*, 103)

ЛИТЕРАТУРА

Гринфельд 2000 – Гринфельд Т. Я. «Л. Леонов и М. Пришвин: Развитие чувства природы в русской прозе» // *Леонид Леонов и русская литература XX века. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения Л. М. Леонова*. СПб.: Наука. 2000.

Ключевский 1987 – Ключевский В. О. *Соч.: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории*. Ч. I. Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1987.

Ковалев 1989 – Ковалев В. А. *В ответе за будущее. Леонид Леонов. Исследования и материалы*. М.: Современник, 1989.

Леонов 1994, II – Леонов Л. *Пирамида. Роман-наваждение в трех частях*. М.: Голос, 1994. Кн. II.

Леонов 1981 – Леонов Л. *Собр. соч. В 10-ти т.* Т. I. М.: Художественная литература, 1981.

Леонова 1999 – «Из воспоминаний» // *Л. Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью*. М.: Голос, 1999.

Леонов 2001 – Леонов Л. «Деяния Азлазивона». Публ. Н. Л. Леоновой // *Наше наследие* 52/2001. Все ссылки на «Деяния Азлазивона» проводятся по публикации рассказа в «Нашем наследии» с указанием страниц в тексте.

Леонов 2001. Из записной книжки – Леонов Л. «Из записной книжки. 1950–1960-е годы.» Публ. Н. Л. Леоновой // *Наше наследие* 58/2001. 101–103.

О рассказе Леонова 2001 – «О рассказе Л. Леонова «Деяния Азлазивона» // *Наше наследие* 58/2001.

Пустозерская проза 1989 – *Пустозерская проза: Сборник*. Сост., предисловие, комментарий, переводы отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М.: Моск. рабочий, 1989.

Полыковская 2001 – Полыковская В. П. «Так спаслись ли покаявшиеся?» // *Наше наследие* 58/2001. 96–97.

Робинсон 1963 – Робинсон А. Н. *Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты*. М.: 1963.

Сабашников 1988 – Сабашников М. В. *Воспоминания*. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988.

Эстетика природы 1994 – *Эстетика природы*. М: ИФРАН, 1994.

„TIKĖJIMAS PAŽĮSTA PASAULĮ“. GAMTOS ESTETIKA L. LEONOVO APSAKYME „AZLAZIVONO DARBAI“

Aleksandr Dyrdin

Santrauka

Šis straipsnis – tai pirmasis literatūrologinis neseniai publikuoto ankstyvojo L. Leonovo apsakymo tyrimas. Straipsnio autoriaus nuomone, natūralių įvaizdžių simbolizacija gamtos aprašymų kalba suartina rašytoją su Senosios Rusios vietinės mistinės literatūros tradicija. Gamtos tema Leonovo kūriniuose yra interpretuojama nagrinėjant nacionalinės estetikos, įsišaknijusios ortodoksinėje krikščionybėje, tradiciją.

"FAITH COGNIZES THE WORLD".
AESTHETICS OF NATURE IN L. LEONOV'S STORY "THE ACTS OF AZLAZIVON"

Alexander Dyrdin

Summary

The article represents the first literary criticism of the recently published early L. Leonov's story "The acts of Azlazivon". According to the author of the article, symbolization of natural images, the language of nature descriptions link the writer with the ancient Russia tradition in the domestic spiritual literature. The theme of nature in Leonov's works is interpreted in the context of national aesthetics rooting from the Christian-Orthodox sources.

Получено: 2002, сентябрь
Принято: 2002, ноябрь

Адрес автора:
Ульяновский технический университет
Кафедра филологии, издательского
дела и редактирования
ул. Северный Венец 32
432027 Ульяновск
E-mail: dyrd@ulstu.ru